
В. М. АРТЕМОВ, С. В. ЗАРОЧИНЦЕВ

**ЭТИКА ПЕРЕД ВЫБОРОМ:
ГЛУБОКАЯ НРАВСТВЕННО-
ФИЛОСОФСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА
ИЛИ ПОВЕРХНОСТНЫЙ РЕЛЯТИВИЗМ
В ОЦЕНКАХ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ***

В работе рассматриваются трансформации этики и принципиальный выбор, который приходится делать ее представителям в связи с бурным развитием современных технологий (искусственного интеллекта, биоинженерии, нейротехнологий, цифрового наблюдения и т. п.). Обосновывается социальная значимость этического выбора в русле понимания значимости добра, когда приоритетными выступают ответственная свобода личности, устойчивость и своего рода социокультурное бессмертие общества, стремящегося к высокому идеалу. С этих позиций осмысливаются ключевые моменты отечественной и западной философской мысли, анализируются некоторые варианты этического дискурса, включая алгоритмическую справедливость, биоэтику, нейроэтику. Вводится концепт проектной этики как формы предсказательного мышления, основанного на глубокой, ценностно и методологически взвешенной нравственно-философской экспертизе и ориентированного на предотвращение системных рисков. В целом исследование направлено на формирование философской рамки для междисциплинарного этического анализа проблем и ситуаций в условиях растущей технологической неопределенности.

* Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» (The research was conducted in frame of the federal academic leadership program Priority 2030).

Для цитирования: Артемов В. М., Зарочинцев С. В. Этика перед выбором: глубокая нравственно-философская экспертиза или поверхностный релятивизм в оценках новых технологий // Философия и общество. 2026. № 2. С. 83–95. DOI: 10.30884/jfio/2026.02.05.

For citation: Artemov V. M., Zarochintsev S. V. Ethics Before a Choice: Deep Moral and Philosophical Expertise or Superficial Relativism in Evaluations of New Technologies // *Filosofiya i obshchestvo* = Philosophy and Society. 2026. No. 2. Pp. 83–95. DOI: 10.30884/jfio/2026.02.05 (in Russian).

Философия и общество, № 2 2026 83–95

DOI: 10.30884/jfio/2026.02.05

Ключевые слова: этика, нравственно-философская экспертиза, новые технологии, устойчивость общества, добро, ценностные и методологические основания анализа проблем, концепт проектной этики, полноценное преподавание философии и этики.

The paper examines the transformations of ethics and the fundamental choice that its representatives have to make in connection with the rapid development of modern technologies (artificial intelligence, bioengineering, neurotechnology, digital surveillance, etc.). The social significance of ethical choice is substantiated in line with the understanding of the significance of public good, when the priorities are responsible freedom of the individual, sustainability and a kind of socio-cultural immortality of society striving for a high ideal. From these positions, key moments of domestic and Western philosophical thought are understood, and some variants of ethical discourse are analyzed, including algorithmic justice, bioethics, and neuroethics. The concept of project ethics is introduced as a form of predictive thinking based on deep, value- and methodologically balanced moral and philosophical expertise and aimed at preventing systemic risks. Overall, the study aims to form a philosophical framework for interdisciplinary ethical analysis of problems and situations in the context of growing technological uncertainty.

Keywords: ethics, moral and philosophical expertise, new technologies, sustainability of society, public good, value and methodological foundations of problem analysis, concept of project ethics, full-fledged teaching of philosophy and ethics.

Постановка проблемы

В заключении к своей итоговой работе «Оправдание добра» первый системный русский философ В. С. Соловьев утверждает: «Наша жизнь получает нравственный смысл и достоинство, когда между нею и совершенным Добром устанавливается *совершенствующаяся связь*» [Соловьев 1996: 403]. Не пора ли всем нам прислушаться к этому выводу классика, по существу, ориентирующего на постоянную этическую, в том числе экспертную работу?

Нельзя не признать, правда, что были периоды в новейшей отечественной истории, да и в западной тоже, когда нравственная рефлексия работала достаточно активно, являясь фактором развития не только философии, но и всего социально-гуманитарного знания, включая правовое. Так, в СССР второй половины XX в. этим отличились философы Э. В. Ильенков и А. А. Зиновьев. Не будучи специалистами в области этики, они проводили в том числе и нравственно-этическую экспертизу тогдашних социальных проблем, ситуаций и публикаций. Первый фактически стоит у истоков критики крайних приверженцев так называемого ИИ и цифровизации в

целом. Второй сумел разглядеть и осмелился высветить ряд внутренних пороков советской действительности, что не помешало ему столь же бескомпромиссно критиковать потом действительность западную, а в постсоветский период сделать вывод о преимуществах именно СССР перед Западом.

Думается, что и в настоящее время остается значительный, прежде всего социальный, духовно-нравственный потенциал, связанный с советскими достижениями. Разумеется, последние зовут не назад (время необратимо не только онтологически, но и аксиологически), а, напротив, позволяют, памятуя тогдашние реальные достижения в материальной и духовной областях культуры, смотреть вперед и выше. Нужны и конкретные действия в плане приближения, условно говоря, хорошего будущего. Думается, что для тех, кто так или иначе представляет практическую философию, то есть этику как вершину философского знания, и вместе с тем использует проверенный, должным образом отточенный и усовершенствованный в современных условиях теоретико-методологический инструментарий, насущной задачей как раз и выступает глубокая нравственно-философская экспертиза происходящего с точки зрения приближения должного.

Простое и безоглядное движение по течению быстрого применения всякого рода технико-технологических новшеств может означать поверхностное, релятивистски-безответственное отношение не только к происходящему на наших глазах, но и к тому, что может случиться после. Будущие поколения и эпохи никогда не прощают неоправданных суесть, спешки, ошибок предыдущих. Об этом писали, к примеру, те же Э. В. Ильенков – в памфлете «Почему мне это не нравится» [Ильенков 2017: 94–117] и А. А. Зиновьев в «Факторе понимания». Так, в последнем мы читаем о таком удручающем положении дел: «Самый примитивный компьютерный интеллект возведен в ранг святости и вершины прогресса» [Зиновьев 2006: 528].

Оборотная сторона искусственного интеллекта и подобных технологий: нравственно-философская экспертиза как основа правовых решений

Сегодня некоторые начинают говорить чуть ли не о наступлении «эпохи ИИ». Но если гипотетически предположить, что последняя наступила, тогда даже с точки зрения здравого смысла возникает сомнение в интеллекте естественном. Когда отсутствует вразумительный ответ на вопрос о том, как могло естественное

уступить место искусственному, множатся и неверие в собственные силы, и ожидание каких-то автоматических решений сложных задач, и небрежное отношение к наследию прошлого, включая классическое. Кстати, современные студенты все чаще затрудняются самостоятельно законспектировать заданный преподавателем первоисточник, чтобы последовательно учиться мыслить у великих предшественников – Платона, Аристотеля, Декарта, Канта и др. Обманчивая «помощь» Интернета в виде каких-то уже готовых пересказов и классификаций чужих мыслей лишь усугубляет проблему, подчас доводя до абсурда сам образовательный процесс. Вместо обучения правильному мышлению и целенаправленной постановке этико-философского угла зрения на имеющиеся проблемы налицо элементарные схематизация и фрагментарность, которые могут вести к неосмысленным готовым алгоритмам и чрезвычайно поверхностной калейдоскопичности в восприятии реальности.

Отсюда вытекает множество разнообразных ошибок и соответствующих последствий не только технико-экономического, но и социально-психологического характера. Одно дело искренняя вера многих, пусть и сомнительная, в непогрешимость техники, технологий и искусственных систем; другое – использование некоторыми заинтересованными лицами этой веры или, наоборот, неверия в своих корыстных целях, что порой доводит до крайностей уныния и даже отчаяния тех, на кого они имеют техническую возможность каким-то образом повлиять, надавить, напугать и т. п. Речь, в частности, идет об их претензии навязчиво «учить», а то и попросту мошенничать, оскорбляя тем самым якобы не разбирающихся в каких-то цифровых конструкциях или затрудняющихся решить некие частные вопросы, когда техника, что называется, подводит. В результате зачастую выясняется, что научить они ничему не могут или не хотят, а элементарно, что называется, седлают лошадь для гарцевания собственной гордыни в ущерб делу и конкретным людям. В данной связи напрашивается знаменитый запрет Гиппократа: «Не навреди!» Речь ведь в конечном счете идет и о здоровье общества. В подобных случаях именно нравственность и этика должны быть на страже человека и общества.

Юридические законы применительно к рассматриваемому, условно говоря, негативному полю притяжения цифры, по определению тоже не могут быть правильно сформулированы, стать понятными и эффективными на практике без тех же нравственно-этических оснований и должной активности самих ответственных людей в борьбе с проявлениями зла во всем их многообразии. По-

следнее не в машинах и технологиях самих по себе, а в людях, заложивших в них те или иные программы и контролирующих их реализацию, что называется, здесь и сейчас. По этой причине говорить следует не о какой-то нейроэтике или этике ИИ, а о формировании, культивировании и совершенствовании нравственно-этического угла зрения, соответствующих знаний и умений у настоящих и будущих специалистов [см.: Артемов 2025].

На наш взгляд, данный подход оправдан всей историей и теорией классической и современной этики в ее лучших образцах. Именно на них пытается опереться и целых 23 года настойчиво продолжает линию, условно говоря, ответственной рефлексии и глубокой нравственно-философской экспертизы права кафедральный философско-правовой клуб «Нравственное измерение права» под руководством одного из авторов настоящей статьи. При этом начинали мы с общей проблемы соотношения нравственности и права, что было отмечено, в частности, А. А. Гусейновым: «Оригинальной в своей типичности является точка зрения профессора В. М. Артемова, одного из немногих отечественных авторов, специализирующихся на исследовании данной темы» [Гусейнов 2018: 12–13]. Далее академик РАН, сопредседатель Междисциплинарного центра философии права ссылается на слова из нашего клубного труда 2017 г.: «Право по определению вторично по отношению к нравственности, дополняет ее, но вот сама нравственность не может рассматриваться как простое дополнение по отношению к праву... В этом смысле оправдана и прицельная нравственно-философская экспертиза теории и практики права» [Артемов 2017: 20].

Важной основой клубной работы является максимальная открытость, поэтому «в результате проведенных внешних мероприятий научная платформа Клуба была заявлена на всероссийском уровне, установились контакты с другими обществами из разных городов России и стран СНГ» [Зарочинцев 2015: 137]. В связи с этим был принят Меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве между нашим Клубом и Московско-Петербургским философским клубом, заключено Соглашение о сотрудничестве между Университетом имени О. Е. Кутафина (МГЮА) и Институтом философии РАН, в котором есть пункт о проведении Клубом НИП нравственно-философской экспертизы права и т. п.

Принципиально важно определиться относительно исходных позиций востребованной самим обществом экспертной активности. Одна из них – уточненное классическое понимание истины применительно к социально-нравственной реальности. Речь должна идти

не просто об аристотелевском соответствии полученных знаний реальности (это минимум), но и об абсолютности ряда исключительных моментов в ней. Последнее особенно важно как для социокультурной общности в целом, так и для идентификации человеческого в человеке. Релятивистское предложение бесконечно «продолжать» поиск истины в различных ситуациях и никогда не останавливаться на чем-то определенном чревато попаданием в ловушку вечного потока без надежды принять единственно верное решение и встать на сторону Добра, что называется, здесь и сейчас. В этой связи категорически неприемлема такая позиция: «Добро является Добром, лишь пока не домогается сделать мир хорошим» [Бадью 2006: 120].

Ведь в отсутствие должной защитной и жизнеутверждающей активности Добра зло разрастается, нуждаясь не в истине, а во лжи. Последняя же разносится с огромной скоростью, о чем свидетельствуют практически повседневные для всех нас атаки со стороны разного рода мошенников, паразитирующих на технологических успехах.

Пристального внимания требует феномен релятивизма, в котором элементы истинного могут перемежаться не только с заблуждениями, но и с вкраплениями лжи. Имея долгую предысторию (от всеядности софистики до холодной расчетливости прагматизма), релятивистский подход и сегодня дает о себе знать, проявляясь порой в привлекательной утилитаристской идее полезности и разнообразных вариантах ее осуществления в непростых условиях социального бытия.

Очевидное технологическое ускорение последнего времени множит вызовы человеку и обществу, требует новых форм духовно-нравственного реагирования на них. Современная этика переживает непростой период в плане не только внутреннего развития и самоопределения, но и внешних влияний, даже с моментами давления на себя со стороны заинтересованных акторов на социальном поле, в том числе представляющих крупные компании и организации. Они исходят из того, что имеет место существенная трансформация морали под воздействием технологий, причем последнее, по их мнению, якобы непререкаемо и могут определять сам характер морально-этических приоритетов в корпорациях, да и в обществе в целом.

Проблематика моральной автономии, ответственности и субъективности все чаще пересматривается в свете искусственного интеллекта, автономных систем, биоинженерии, а также климатиче-

ских и цифровых вызовов. В условиях перспектив постгуманизма технологии становятся не только объектами моральной оценки, но и активными агентами, трансформирующими само поле нормативности, что не может не вызывать беспокойство со стороны общества и государства. Удивительное, что называется, рядом: «В Китае недавно зафиксировали обескураживающий тренд: до 80 % холостых мужчин, постоянных пользователей нейросетей, готовы жениться... на чат-боте» [Рождественская 2025]. В целом в нынешних условиях требуется серьезная нравственно-философская экспертиза оборотной стороны ИИ и иных технологий для последующих выверенных и эффективных правовых решений, включая необходимые запреты и ограничения.

Реальная ситуация и попытки ее осмысления

Современные технологии стремительно трансформируют основы человеческой жизни, преобразуя условия действия, восприятия и моральной оценки. Классическая этика, ориентированная на автономного, рационального и ответственного субъекта, сталкивается с вызовами новых форм агентности – от алгоритмов до сетевых структур. Возникает необходимость разработки новых этических парадигм, способных учитывать нестабильность, сложность и многоуровневость современных социотехнических систем. При этом требуется не только научная оценка данных проблем, но и последовательная этико-философская экспертиза со стороны общественных организаций и государства, призванных контролировать в том числе коммерческий сектор экономики. Да и сами добросовестные предприниматели могли бы прибегать к помощи экспертов, которые призваны на профессиональном уровне анализировать и давать экспертные оценки тех или иных ситуаций и проблем с позиций фундаментальной и развивающейся в научном русле этики.

В условиях роста трансгуманистических концепций, таких как морфологическая свобода, цифровое бессмертие, расширение сознания, происходит размывание границ человеческого как моральной и антропологической константы. Философская этика сталкивается с необходимостью выработки инструментов анализа в условиях афишируемого, но весьма сомнительного постгуманистического перехода. Ведь кому-то может показаться, что моральные статусы интеллектуальных агентов ИИ представляют собой не просто инструмент, но и новую форму делегированной агентности. Разработчики ИИ сталкиваются с проблемами прозрачности (blackbox-алгоритмы), ответственности (кто отвечает – разработчик, система,

корпорация?), автономии (может ли ИИ быть моральным субъектом?). В имеющихся на сегодняшний день подходах (Л. Флориди [Floridi 2013], Н. Бостром [Bostrom 2014], С. Рассел [Russell, Norvig 2020]) подчеркивается необходимость этической верификации на всех этапах разработки. Возникает и становится актуальной также проблема цифрового патернализма: может ли автономная система навязывать человеку решения, мотивируя их его же благом? В таких условиях опасны непрофессиональные суждения, безосновательные фантазии и тем более опрометчивые решения. Именно специалисты в области философии и этики только и могут дать квалифицированные анализ и оценку последним, желательно еще до их практического применения.

Примером может служить внедрение систем предиктивной аналитики в правосудие (COMPAS, США), где алгоритмическое принятие решений воспроизводит расовые и классовые предрассудки. Философская критика этих систем затрагивает фундаментальные категории справедливости, транспарентности и ответственности, превращая этику в инструмент сопротивления алгоритмическому детерминизму. Проблематика цифрового неравенства также демонстрирует, как технологии могут усиливать социальную стратификацию, и требует философской деконструкции понятий свободы, доступа и цифровой грамотности.

В таких нестандартных условиях важно сохранять и развивать традиционную нормативную (теоретическую) этику, ориентированную на известные универсальные принципы и запреты, а также опирающуюся на нее этику прикладную. Как известно, последняя касается прежде всего разного рода предельных и пограничных ситуаций и все чаще оказывается востребованной в условиях технологической неопределенности.

В качестве некоего рабочего варианта предлагается и так называемая проектная этика, которая, в частности, рассматривает мораль как моделирование потенциальных миров, чувствительное к сценарным рискам, системной взаимосвязанности и вероятностной онтологии. Ее представители пытаются использовать методологию футурологического мышления, сценарного анализа, предосторожности и многоагентного моделирования. Они не столько отвечают на вопрос «что хорошо», сколько стремятся минимизировать потенциальные катастрофы и несправедливости, возникающие в результате взаимодействия сложных социотехнических систем [Coeskelbergh 2020]. Этический анализ, экспертиза становятся инстру-

ментом просчета последствий и этического дизайна, что требует новых форм философской аргументации и эпистемологической гибкости.

Эта перспективная возможность активно используется в современных этических исследованиях искусственного интеллекта и биотехнологий. Например, в работах Джона Дэнахера [Danaher 2019] этика описывается как «архитектура последствий», где моральная интуиция отстает перед эпистемологией сложных систем. Аналогично, что идея когнитивной справедливости требует не столько равенства доступа, сколько переопределения самих норм познания и мышления в эпоху нейроусиления. Этика получает статус «операциональной философии», встроенной в проектирование технических и социальных систем. Правда, сомнение вызывает претензия на упоминаемую «встроенность», так как этико-философские усилия всегда требуют конкретного человека как носителя доброй воли, соответствующих ощущений, субъекта понимания происходящего и должного поступания, что называется, здесь и сейчас.

Этические вызовы новых форм субъектности

Новейшие технологии в известной мере размывают границы между субъектом и объектом, биологическим и цифровым, человеческим и нечеловеческим. Субъектность зачастую становится распределенной, реляционной, симбиотической. Все это и многое другое требует этико-философских исследований, а то и коррекции понятий автономии, намерения и агентности.

Так, технофеминистская перспектива (Д. Харауэй [Haraway 2016]) предлагает рассматривать этику как сетевую конфигурацию, где моральная значимость присваивается не сущностно, а через отношения. Такие идеи находят отклик в постгуманистской биоэтике, ориентированной на межвидовую мораль, и в цифровой этике, признающей платформы, ИИ и алгоритмы морально релевантными акторами. Этическая субъектность определяется некоторыми авторами больше не через сознание, но через способность к генерации следствий, значимых для морали. Тут-то как раз и нужны внимательный этический взгляд и соответствующие оценки подобных, во многом надуманных претензий и заявлений.

Современные кейсы, такие как алгоритмическая система оценки A-level экзаменов в Великобритании в 2020 г., демонстрируют, как безличные системы могут производить морально значимые

действия с последствиями для тысяч учащихся [Weale, Barr 2020]. Возникает необходимость этической ответственности без интенции, что требует глубокого философского переосмысления традиционных понятий вины и намерения. Кроме того, этические вопросы цифровой телесности, идентичности и симуляции становятся центральными для анализа в условиях признания так называемых метавселенных и биоцифровых интерфейсов.

Этико-аксиологические требования и теоретико-методологический инструментарий для проведения экспертной работы

Указанные выше и подобные современные новации, которые зачастую лишь декларируются, но фактически либо отсутствуют, либо виртуально предполагаются, требуют к себе пристального исследовательски-экспертного внимания со стороны этики. При этом не обойтись без разработки соответствующих требований и теоретико-методологического инструментария. Без их системного выполнения и применения невозможно добиться сколько-нибудь приемлемых результатов в плане достижения должного уровня фундаментальности искомой экспертизы. Важно также подчеркнуть, что для успешной экспертизы необходима «добрая воля тех, кто ее осуществляет, руководствуясь ощущением и пониманием социокультурной значимости объективного анализа и правдивых оценок...» [Артемов 2023: 32].

В одной из предыдущих авторских статей, недавно опубликованных в ведущем отечественном философском журнале, предложены, к примеру, следующие пункты как результаты поисков в данном направлении (здесь приводятся в сокращенном виде).

«1. Максимальная объективность подхода к интересующему наличному положению дел. 2. Всесторонность их рассмотрения на предмет выявления каких-либо отсутствующих или лишних звеньев в общей цепи решения специалистами тех или иных взаимосвязанных задач. 3. Фиксация таких слов и действий, которые не только не способствуют благоприятному течению дел, но явно мешают этому, уводят в сторону от помощи конкретным людям, тем или иным группам и обществу в целом. 4. Прицельный учет мотивации реальных субъектов деятельности, то есть тех, от кого зависит качественное исполнение профессиональных функций в аспекте соответствующей миссии, а не только простого формального исполнения тех или иных трудовых обязанностей... 5. Выявление степени, что называется, человеческого присутствия или, напротив, от-

сутствия должной человечности в той или иной ситуации решения профессиональных задач... 6. Анализ реальных результатов активности как конкретных специалистов на местах, так и всей профессиональной корпорации в какой-то период времени и долгосрочной перспективе планируемого развития. 7. Многоаспектное осмысление и синтез полученных данных и результатов для подготовки компетентного заключения с целью исправления ситуации к лучшему» [Артемов 2024: 80].

Определенный методологический вес имеет и немаловажное положение о том, что, будучи теоретическим уровнем самой нравственности, этика в конечном счете порождается народной стихией, поэтому она необходима человеку, обществу и праву. Важно подчеркнуть, что подобный народный источник в итоге обусловил и государственный институт права. «Право по самой своей сущности, – пишет В. Н. Синюков, – опосредуется народом, его реальным хозяйственным и социальным бытом» [Синюков 2018: 27].

Заключение: принципиальная определенность этики в эпоху неопределенности

Философия технологий в XXI в. сталкивается с задачей не просто этического регулирования, но разработки своего рода этико-философской инфраструктуры для непрерывного теоретического анализа и этического осмысления технологической действительности в контексте перспектив сохранения человеческого в человеке и восходящего развития общества. Этика, особенно применительно к ее прикладному и профессиональному разделам, становится процессуальной, интерактивной и междисциплинарной. Возникает новый язык этического мышления – язык упреждающего воздействия, устойчивости, связности и коэволюции. Таким образом, этика будущего – это этика фундаментального уровня, но с элементами динамической сценарности и достаточно быстрого реагирования на все новые и новые технологические и иные вызовы. В эпоху неопределенности необходима защитная и перспективная принципиальная определенность этики.

На наш взгляд, продолжая отделять мораль от технологий, этика мыслит их как соразвивающиеся формы бытия, но в русле высокого социокультурного идеала. Нравственность, а значит, и этика остаются общими и спасительными для всех духовно-теоретическими скрепами, обеспечивая устойчивость общества и государства.

В свою очередь, нравственно состоятельное право призвано способствовать этому, используя собственные силы и возможности, но не пытаясь заменить собою указанные скрепы.

В качестве одной из общих объединяющих идей можно рассматривать такую: «Нравственность слабее права в смысле возможностей принуждения кого-либо к чему-либо, но она превосходит последнее в деле формирования собственно человеческих качеств и социокультурных ценностных принципов и ориентиров, исключающих или минимизирующих саму необходимость принуждения людей силой» [Артемов 2025: 205]. Искомая экспертиза в ее практических результатах призвана подтвердить данную миссию нравственности и собственно этики как науки.

Не менее важным представляется и осознание результатов предполагаемой этической экспертизы и тем более их учет в дальнейшем. По-видимому, для этого еще предстоит проделать определенную исследовательскую и организационную работу. В любом случае не обойтись без достаточно глубоких и широких знаний этики как вершины философского знания, а также ощущения и понимания самой миссии той или иной профессии. Для юристов, к примеру, речь идет о восстановлении справедливости. В противном случае неизбежны новые и новые проблемы, которые, подобно снежному кому, будут только нарастать, угрожая перечеркнуть или направить против общества и отдельных людей даже возможные достижения чисто технического характера.

Напрашивается также такой вывод: чтобы современные технологии действительно включали этическое измерение, необходимы соответствующие нравственное воспитание и полноценное фундаментальное философское образование, в том числе собственно этическое, для тех, кто эти технологии создает, легализует, внедряет и контролирует.

Литература

Артемов В. М. Нравственное измерение и человеческий потенциал прав, политики, общества в целом // Нравственное измерение и человеческий потенциал права / отв. ред. В. М. Артемов. М. : Проспект, 2017.

Артемов В. М. Нравственная философия как основа профессиональной этики и фактор защиты прав человека в условиях новых технологических угроз // Профессиональная этика фундаментального уровня и «новые этики» технологического типа: что важнее для человека, общества и пра-

ва?: сб. науч. трудов / отв. ред. В. М. Артемов, О. Ю. Рыбаков. М. : РГ-Пресс 2023. С. 27–34.

Артемов В. М. Профессиональная этика фундаментального уровня и «новые этики» технологического типа: реальность и должные перспективы // Вопросы философии. 2024. № 6. С. 74–83.

Артемов В. М. Нравственность и право для настоящего и будущего: учеб. пособие. М. : Проспект, 2025.

Бадью А. Этика: очерк о сознании Зла. СПб. : Machina, 2006.

Гусейнов А. А. Мораль и право: линия разграничения // Lex Russica. 2018. № 8. С. 7–21.

Зарочинцев С. Векторы развития философско-правового клуба «Нравственное измерение права» // Контуры научной школы. Нравственность, свобода, право: пути сближения. М. : Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2015. С. 137–140.

Зиновьев А. А. Фактор понимания. М. : Алгоритм, Эксмо, 2006.

Ильенков Э. В. Об эстетической природе фантазии. Что там в Зазеркалье? М. : ЛИБРИКОМ, 2017. С. 94–117.

Рождественская М. Монстр по имени ИИ // Мир новостей. 2025. 9 июля. № 28(1646).

Синюков В. Н. Общая теория права и развитие отраслевых юридических наук // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 9. С. 27.

Соловьев В. С. Оправдание добра: Нравственная философия. М. : Республика, 1996.

Bostrom N. Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies. Oxford : Oxford University Press, 2014.

Coeckelbergh M. AI Ethics. Cambridge : MIT Press, 2020.

Danaher J. Automation and Utopia: Human Flourishing in a World without Work. Cambridge : Harvard University Press, 2019.

Floridi L. The Ethics of Information. Oxford : Oxford University Press, 2013.

Haraway D. Staying with the Trouble: Making Kin in the Chthulucene. Durham : Duke University Press, 2016.

Russell S., Norvig P. Artificial Intelligence: A Modern Approach. 4th ed. New York : Pearson, 2020.

Weale S., Barr C. A-Level Results: How did the Algorithm Work? [Электронный ресурс] : The Guardian. 2020. August 14. URL: <https://www.theguardian.com/education/2020/aug/14/a-level-results-how-did-the-algorithm-work> (дата обращения: 15.09.2025).